

А память-кинолента крутится...

Рассказ о моих родителях Борисе и Элизе Серман

Симферополь. Конец 50х — начало 60х.

Отчётливо вижу тенистую улицу Карла Либкнехта, старый двухэтажный дом с резными тяжелыми деревянными дверьми — это парадный вход. Перед домом раскидистый клён — постоянный приют местных ворон, галок и грачей. Широкая арка ведёт во двор, похожий на колодец. Если войти со двора, попадаешь на общую кухню большой коммуналки, из кухни вход в широкий коридор, слева по коридору наша довольно странная квартира. Просторный полупустой зал с огромными окнами и тяжёлыми деревянными ставнями. Высокий потолок, в центре которого орнамент с лепными ангелами, подкрашенными бронзовой краской (предмет моей тогдашней гордости) и спальня, разделенная на две части платяным шкафом. В стене спальни огромный встроенный шкаф, набитый книгами, небольшой письменный стол — один на всю семью, на нём красуется новый телефон. Папе, к неописуемой радости всех соседей коммунальной квартиры, установили этот телефон, потому что он был в то время внештатным корреспондентом какой-то московской газеты. Убранство в квартире более чем скромное, иногда мебель заменяли обычные коробки, набитые книгами и покрытые гобеленом. Но всё равно было уютно.

Маленькая Ира

Уют ощущался во всём: в той доброй тёплой, и какой-то нереально воздушно-сказочной обстановке, которая царила у нас дома. Соседи могли войти к нам в любое время. Делились всем, что было. Дверь нашего дома всегда была открыта. Помню, что на ключ мы запирали её только тогда, когда уходили все.

Кроме меня, старшего брата Игоря и наших родителей, квартиру всегда населяли выдуманные мамой и папой, невидимые нам, сказочные персонажи: Дед Ведун и Мышка Норушка, Бабушка Кукла и Дедушка Мячик. Мы с братом знали, что именно Деду Ведуну откуда-то известно обо всех наших шалостях. Он же отправлял нам со своим почтальоном

Мышкой Норушкой конфеты или новые книжки и игры. Брат регулярно писал письма Деду Ведуну и клал их в ящик письменного стола. Невидимая Мышка Норушка должна была доставлять его письма по адресу. Я писать письма ленилась, но подарки получать очень любила.

В Новогодний вечер обычно пахло хвоей и загорались разноцветные огоньки новогодней ёлки, весело потрескивали ярко-алые угольки в печи, будто бы они перемигивались с ёлочным гирляндами. Мы с братом наряжали ёлку, важно открывали таинственную коробку и доставали из неё мои любимые ёлочные игрушки, а под ёлкой нас всегда ждали подарки и весёлые стихи от Деда Мороза, конечно же, их сочинял папа. Каждый весело зачитывал предназначенное ему поздравление, например такое:

Пропуск на вход в наступающий год.

Оставить в пределах старого года

Болезни, невзгоды всякого рода.

Пусть входящий строго учтёт

Моё Дед Морозовое веление:

Разрешаю вносить в наступающий год

Только хорошее настроение.

Дед Мороз

Все смеялись, приходили званые и незваные гости, пели, читали стихи, шутили.

Папа часто возвращался домой не один. Иногда с ним были молодые поэты, иногда крымские художники или артисты, или ещё какие-то люди, как он говорил «мои друзья».

Мама порой при виде новых гостей тихо и укоризненно говорила: «Боря, опять гости, а чем будем угощать? Денег-то ведь совсем нет». На что папа всякий раз невозмутимо отвечал: «С деньгами любой дурак сможет принять гостей, а вот ты попробуй принять без денег».

И на столе появлялись скромные яства. И снова стихи, споры далеко за полночь, шутки и смех. Стихи были неотъемлемой частью нашей жизни. Мне казалось, что папа умел думать и говорить только стихами. Уходя по своим делам он мог оставить вот такую записку:

Купил две курицы покуда

И на заправку майонез.

Вся(!) Мною (!!!)

вымыта посуда,

И я — на высоте небес,

На облаках играя полонез,

Исчез...

Мама же стихов не писала. Частенько она сердилась на папу за его непрактичность и несобранность. Она работала в школе, преподавала русский язык и литературу. Именно её безграничная любовь к литературе их так сближала. Работала мама очень тяжело, и все

тяготы быта брала на себя. Я видела, как непросто быть женой такого творческого и увлечённого человека. Папа и сам понимал это. Ведь недаром он написал ей:

*Я готов, я готов к расплате,
Жду законный твой приговор,
Милый, милый законодатель,
И судья мой, и прокурор.*

Мама не говорила стихами, но была щедрa на рассказы. Она очень часто вспоминала свою жизнь, и живые яркие картины прошлого вырастали передо мной. Из её рассказов я узнала о трагической гибели маминого героического брата — художественного руководителя ленинградского Дома радио Якова Бабушкина, о том, что её родители были расстреляны фашистами под Евпаторией, о гибели папиного старшего брата Аркадия на фронте возле Перекопа, о тяготах, бесконечном страхе и испытаниях моих родителей в годы космополитизма, и, наконец, о том, как мама с папой познакомились.

Папа уже до войны был довольно известным в Крыму поэтом, его стихи печатались в газетах, а песни распевала молодёжь. В том числе и мама, тогда евпаторийская школьница, пела вместе со своими друзьями песни на стихи Бориса Сермана:

*Месяц плывёт рогатый,
Небо в брызгах ласковых огней,
Где-то поют ребята,
И только я один грущу о ней.*

Папа работал в крымском радиокомитете редактором детских и юношеских передач. Мама окончила с отличием Ленинградский педагогический институт им. Герцена и летом 1939 года вернулась в родной город Евпаторию, где начала преподавать русский язык и литературу в детском костно-туберкулёзном санатории. Её учениками были прикованные к постели или ходившие на костылях дети. А дома она выхаживала перенесшую инсульт тётю и слепнувшего дядю (они заменили ей родителей, так как в семь лет она осталась сиротой).

Папа вырос в детском доме. По стечению обстоятельств он тоже какое-то время учился на рабфаке института им. Герцена в те же годы, что и мама. Но там они не были знакомы. Мама иногда читала его стихи в институтской многотиражке.

И вот война... В августе 1941 маме надлежит непростая задача. Нужно срочно эвакуировать детей, вернуть их в семьи. Её, 22-летнюю девушку, назначают ответственной за эвакуацию детей. В Крыму немцы. Как оставить больных родителей и младшую сестрёнку? С собой разрешается взять только одного человека. Но делать нечего. Мама берёт с собой сестрёнку Асю в Сибирь. В её памяти навсегда сохранится сцена прощания с тётей и сгорбленная фигура дяди, машущего рукой вслед уходящему товарняку с больными детьми.

Элиза

Больше сёстры никогда не увидят своих родителей. В ноябре 1941 года тётя и дядя были расстреляны фашистами под Евпаторией.

В это время папу по состоянию здоровья освобождают от армии. Но он записывается добровольцем на фронт. Он становится военным корреспондентом газеты «Вперёд за Родину», а позже газеты «Сын отечества». Так этот молодой, щуплый на вид, маленького роста и совсем неприспособленный к тяготам полевой жизни человек прошагал «с лейкой и блокнотом» всю войну и закончил её в Австрии.

В газете «Сын отечества» папе довелось работать вместе с Ильёй Сельвинским, которого он всегда считал своим наставником, сотрудничал он и с Сергеем Смирновым, автором знаменитой книги «Брестская Крепость». Сергей Смирнов вспоминает:

«Борис Серман — мой товарищ по фронту. Мы оба были фронтовыми газетчиками: он литературным сотрудником солдатской газеты 337 дивизии «Вперед, за Родину», я — литературным сотрудником солдатской газеты «Мужество» 27-й армии, в состав которой входила эта дивизия.

... Все мы, кто знал Сермана, очень любили этого маленького, худенького человека. Было в нем что-то напоминавшее Чарли Чаплина в его лучших картинах... похожесть была в той растерянной доброй улыбке, которую мы так часто видели на его лице, в том бесконечном обаянии доброты, душевности, дружеской распахнутости навстречу людям, какой этот человек обладал в необычайной степени. И так же, как сердце зрителя всегда открывается настежь перед обаятельным героем Чаплина, наши сердца навсегда распахнулись перед нашим другом Борей Серманом. Это настоящий солдат с журналистским блокнотом, человек большого личного мужества и настоящей, непоказной храбрости, воин, испытавший бок о бок с солдатами переднего края все то, что им довелось вынести и пережить. Он был в боевых порядках стрелков в дни обороны и в дни наступления, он хорошо знал, как по птичьим свистят над самой головой пули, он знаком с ощущением человека, вдавившегося в землю среди взрывов яростной бомбежки, когда эта ходящая ходуном земля словно подбрасывает тебя вверх при каждом бомбовом взрыве, и комья земли хлопают тебя по

спине. Он сидел, вжавшись в узкий окоп, когда в нескольких метрах над его головой лязгали траки немецкого танка. Ему даже пришлось попасть под ошибочный залп нашей «катюши» и бог весть как остаться в живых среди этих взрывных вихрей. Он прошел через войну, как истинный мужчина и солдат...».

Папа воевал, а мама в это время везла в Красноярск эвакуированных детей, тогда она ещё не знала, какая судьба ждёт её брата и родителей. Мама часто рассказывала историю этого переезда. И уже в последние годы жизни подробно описала её:

“Итак, едем из Евпатории, где ещё спокойно и немцев нет. Может быть, напрасно оставили дом. Дорога ведет на Кавказ, мерно стучат колеса поезда, несущего нас вперед. Обычный августовский день, ещё, конечно, тепло, небо голубое, дети радуются тому, что едут домой. У них на душе светло. Вдруг где-то бабахнуло. Не сразу поняли, почему грохот, а он все ближе, все громче – бомбежка. Ребята на костылях – не просто выйти из вагона, но необходимо это сделать и лечь на землю. Вспорхнуло облако дыма и исчезло, на смену грохоту пришла тишина, бомба не попала в наш состав. Мы прошли первое боевое крещение. Сколько их впереди?”

Все просторнее становится в нашем «доме»-вагоне. Постепенно родители забирают своих детей, и приходит час расставания, с одной стороны – с радостью, с другой – «со слезами на глазах».

А в городах, мимо которых идет наш состав – затемнения. Нет да нет – бомбы приходят и сюда. Окна обклеены газетной бумагой. На каждой станции уезжающие вглубь страны. Но не так просто получить место в поезде. Расписания движения поездов нет. На станциях железнодорожных, на прилегающих площадях толпы народа, неделями лежат, сидят, бодрствуют или спят на скамейках, на мешках, на чемоданах, на полу, на земле, кто в ожидании попутного поезда, кто, надеясь получить все же билет. Мы в пути почти месяц. Уже сентябрь. Всю ночь в дороге, утром в 10 часов остановка – станция Поворино. Я в летнем халатике с полотенцем через плечо выхожу из вагона, со мной четырнадцать ребятешек, нужно умыться, подышать воздухом, в вагоне же нет окон. «стоять будем целый

день», - говорит проводник. Не впервой. Простаивали и по два и по три дня. И все же я спрашиваю:

– Точно?

– Да, конечно, точно.

Беспечно моя детская ватага оставляет вагон и идет со мной, захватив полотенца. Надо найти водопроводный кран. Умылись, погуляли, через 15 – 20 минут возвращаемся к нашему составу. Его нет. Наверное, перевели на другой путь. Так не раз бывало. Но поезда нигде нет. У меня ни документов ни денег. Все дети легко одеты. Идём искать начальника станции. Нашли кабинет, но в него не войти. Толпа людей осаждает двери. Пропуском становятся «костыли», на которые опираются мои ребята. В кабинете не умолкает телефон. Пожилой грузный мужчина охрипшим голосом обращается ко мне: – В чём дело? Слушая мой взволнованный рассказ он озабоченно рассматривает детей и вдруг, перебивая меня говорит:

– Прежде всего вам надо пойти поесть. Вот талоны в столовую. Проводите эту команду, – обращается он к своему работнику, кивая на нас.

– Но как же нам догнать своих? – переживаю я. (Детей, конечно, хорошо бы покормить, но мне не до еды).

– Ваш состав ушёл в Куйбышев. У него остановок не будет. Позавтракаете, и мы вас отправим вдогонку. Я позабочусь.

Догоняли мы на открытой платформе, заполненной ящиками с углём тоже открытыми. Ветер бил нам в лицо, угольная пыль летела навстречу, оставаясь на нашей одежде, руках. Мы уныло сидели, закутавшись в полотенца. Ехали несколько часов. И вот долгожданный большой город Куйбышев. Станция. Мы выходим. Гуськом пробираемся между поездами по путям. Но своего вагона не находим. Опять ищем начальство. «Ваш поезд на другом вокзале. Это станция товарная».

Снова узлы, мешки, беженцы, сидящие, лежащие на огромной вокзальной площади. Долго иду с уставшими, с трудом передвигающимися детьми пешком по городу, не легко узнать у прохожих дорогу. Никому до нас дела нет. А в душе страх — вдруг наш поезд двинулся дальше, вдруг не дождётся нас. Наконец, нужный вокзал и наш вагон. Ася почему-то растерялась, вместе с вещами начала выходить из вагона, за ней Вера, пионервожатая, ехавшая с нами. У всех слёзы, наверное от радости, пережитого волнения.

– Зачем же вам выходить, это нам надо заходить, – опомнилась я. И вот мы в вагоне. Мы вместе».

Сначала мама, Ася и пионервожатая Вера жили в селе Берёзовка, у маминой евпаторийской и институтской подруги Тани Кискачи, которая уехала туда из Ленинграда по распределению. Мама получила работу инспектора районо. Проверяла начальные школы.

Начались поездки в дальние деревни на открытых санях. На маме не шуба, крымское зимнее пальтецо и не всегда валенки. Была одна пара валенок на четверых. Носили по очереди. Мама не очень любила проверять других учителей, такая работа её угнетала. Вскоре она перебралась в Красноярск и перевезла туда сестрёнку и подруг. Там произошла неожиданная случайная встреча с бывшим работником ленинградского Дома радио. Оказалось, он хорошо знает мамино брата Яшу. Этот человек предложил маме попробовать устроиться в красноярский радиокомитет, где он тогда работал. Принимали на

конкурсной основе. И мама прошла конкурс. Так она начала работу на Радио. В Красноярск пришло несколько писем от брата Яши. В одном он написал «Дорогие мои сестренята! Ленинград перестал быть фронтом, Я уйду на фронт». Это была последняя весточка от него.

Через много лет Ольга Берггольц расскажет маме о страшных днях блокады, о работе на Радио днём и ночью и о приказе Жданова об увольнении Яши вместе с другими евреями Дома радио. «Ему опухшему и зелёному с прорывом блокады нужно было бы отлежаться в госпитале. А он ушёл на фронт». - скажет маме Ольга.

В конце войны крымский радиокomiteт перевели в Краснодар, маму взяли туда на работу, и она с сестрой переехала в Краснодар, а потом долгожданное:

« Наши войска освободили Армянск, Джанкой, Евпаторию и овладели Симферополем».

Итак, возвращение в родной освобождённый Крым. Симферополь, поиски квартиры, неустроенный быт. Маму назначают редактором детских и юношеских радиопередач. До войны это место занимал мой папа.

А тем временем чудом выживший фронтовик с боевыми орденами и медалями, поэт и журналист Борис Серман, пройдя дорогами войны через Севастополь и Керчь, через Россию, Венгрию и Австрию, счастливый приезжает в Симферополь. Он ещё не демобилизован, но первым делом спешит в радиокomiteт, ему интересно узнать, кто же теперь занимает там его прежнее место. Борис изумлён и очарован. За его бывшим рабочим столом сидит моя мама - юная красавица Элиза.

Запечатленные строками мизки
души моей, раздумий меновой -
соавтору
не только этой книжки -
Всей нашей мизки -
Эле дорогие!
Гурья
1.1.1991.

Оперативный главный редактор предлагает маме срочно сделать передачу «Серман — поэт-фронтовик». Мама готовится, перечитывает папины стихи.

Они знакомятся ближе, папа рассказывает маме о горестных буднях фронта, она ему о Сибири. Он показал ей свою дивизионную газету. Одна из страниц залита кровью. Кровь и на папиных стихах, напечатанных в номере. Оказывается, погибший от ран боец держал в нагрудном кармане газету и с папиным стихотворением шёл в бой. Обратного не вернулся. Газету вынули из кармана погибшего бойца.

Папа отчаянно влюбляется и делает маме предложение. Мама колеблется. Она не может вырвать из памяти первую любовь. Её довоенный друг Миша был рядовым солдатом на Белорусском фронте. Погиб в первые дни войны. В этом мама честно признаётся папе, и он с пониманием ждёт маминого решения. Радиокомитет бурлит. Все уговаривают маму: «Выходи за Борю замуж. Ты не знаешь, какой он человек. Лучшего друга себе не найдёшь». Одно за другим рождаются у Бориса стихи, посвящённые маме. Он переплетает их в тоненькую книжечку-самиздат с названием «Наша сказка» и преподносит её маме в День рождения. Рядом с маминой фотографией такие строки: «Шумит голова не от хмеля. Пьянит меня спирта сильнее поэма любви моей. Эля — имя поэмы моей». Перед этим мама уже просто не смогла устоять, и они поженились.

Но лейтенант Серман ещё в армии. Командование направляет его в винницкую область, в город Жмеринку. Папа, конечно же, не хочет никуда ехать, кладёт на стол командира записку: «Крымские горы зовут меня, дикими выступами маня» и моментально получает ответ: «Крымские горы обождают»!

Из Жмеринки полетят в Симферополь письма в стихах:

*Путь далёк, путь далёк
К той, в кого я влюблён.
В этой песенке сердце само.
Ветерок, ветерок,
Ветерок-почтальон,
Передай мою песню-письмо.*

Через некоторое время папу перевели в Винницу и мама с маленьким сыном, моим

старшим братом Игорем, поехала к нему. И вот, наконец, долгожданная демобилизация. Радость! Мама и папа снова возвращаются в родной Крым. А оттуда по приказу Сталина уже депортированы татары, армяне, болгары, греки и немцы, густо населявшие до войны многонациональный полуостров. Ходят слухи, что «сверху» готовят приказ о высылке евреев. Газеты пестрят заголовками о «деле врачей». Мама понимает, что в радиокомитет она уже не сможет вернуться. Папу не берут на работу ни в одну газету. Живут они в покосившейся хибарке по улице Малобазарная (теперь Некрасова). Там сырость, маленький Гарик постоянно простужается, болеет тяжёлыми ангинами и даже дифтеритом. Денег ни на лекарства, ни на еду нет. Папа выменивает на хлеб немногочисленные военные трофеи. Мама пытается устроиться на работу в школу, но ей, обладательнице диплома с отличием Герценовского пединститута, место учителя не дают. В одну из школ её всё же принимают на работу, но без права преподавания. Она отвечает там за школьный методический кабинет. На одну мизерную мамину зарплату семья и пытается выживать.

Мама, папа и маленький брат Игорь

А тут новая напасть. Папу вызывают в горком партии. На него пришла анонимка. В каком-то молодёжном клубе он читал вслух запрещённые тогда стихи Гумилёва. Поздним вечером к дому подъезжает автомобиль, тот самый «чёрный ворон», который увозил людей, и их объявляли «врагами народа». Мама остаётся в квартире с маленьким Гариком. Судорожно сжигает томики и перепечатанные листы со стихами любимых поэтов Ахматовой, Цветаевой, Гумилёва. Тягостное ожидание кажется ей бесконечным. Она отлично знает, что люди, вызванные в горком «на ковёр», очень часто назад не возвращаются.

А папа сам так описал то, что в это время происходило с ним:

«Задавали едкие вопросы. Первый секретарь горкома спросил:

– Давно вы знакомы с Гумилёвым? Поддерживаете с ним связь?

– Гумилёва нет в живых, – ответил я. И вдруг вырвалось: – Хотите прочитаю Гумилёва? Стихотворение «Волшебная скрипка»?

– Вы что? В своём уме? Читать стихи запрещённого поэта?! – раздалось несколько голосов.

Мне было страшно, когда шёл в горком. Но сам не знаю почему почувствовал, что прошел страх. И я, назло судьям, начал читать:

Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!

*Но я вижу — ты смеёшься, эти взоры — два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!»*

По рассказам папы, в зале воцарилась тишина. Больше никто не произносил обвинительных речей.

«Отделался строгим выговором с последним предупреждением. Потом долго ещё слышались голоса вставших надо мной суд», – напишет папа.

Только в 1952 году папа смог устроиться на работу в редакцию газеты «Крымская Правда». Маме дали часы в старших классах женской 11-й школы. И, через какое-то время, они получили квартиру по улице Карла Либкнехта 36. Там и прошло моё детство.

Солнечный сентябрьский день. На мне новое ярко-синее шерстяное платье, юбка «солнце-клёш», в волосах большой белый бант. Собираюсь идти вместе с папой «по делам», как он говорит. Я выбегаю во двор первая. Хочу продемонстрировать подружкам новое платье. Если в нём быстро-быстро покружиться, юбка поднимается вверх параллельно земле и крутится, вздымаясь волнами, как синее море. Папа догоняет меня, и мы идём. Бегу вприпрыжку впереди, кажется, мы идём очень медленно. На каждом шагу его кто-то останавливает. Только и слышно: «А, Боря, привет!», «Привет, Боренька! Как жизнь?»

Папа всем широко улыбается. У меня создаётся впечатление, что во всём городе нет кого-то, кто бы не был с ним знаком. Сейчас думаю, что это не было большим преувеличением.

Но что же так влечет людей к папе? Может быть его личное обаяние?

Поэт Любовь Знаковская написала:

“...Когда я думаю о нём (не вспоминаю, а именно думаю!), у меня всегда возникает ощущение лёгкости, радости, надёжности этого мира. Слово бы и не бывало этих — Боже мой! — отделяющих нас от оттепели конца пятидесятых — лет, и я впервые вижу его у нас в Симферополе, на Пушкинской, окружённым красногалстучной детворой у Дома офицеров, где он только что выступал перед нею. Он, как и его читатели-почитатели пионеры, радуется этой встрече, этому общению и с удовольствием раздаёт направо и налево автографы. Золотой крымский сентябрь ласково гладит склонённые макушки русоволосой детворы и задорно развеивает кудрявую черноволосую шевелюру смеющегося Поэта.

Я, новоиспечённая студентка, стою напротив, на другой стороне улицы, у кинотеатра «Спартак», и застенчиво не решаюсь подойти за автографом. Но уношу с собой нечто большее, чем автограф, — ощущение радости, искренности, золотого свечения, исходящего от худенького, хрупкого улыбчивого человека с чаплинской походкой”.

Да, конечно, в нём было обаяние, но не только оно притягивало к нему знакомых и незнакомых людей.

Однажды, вернувшись из школы, я застала у нас дома опрятно, но скромно одетую старушку с коротко подстриженными седыми волосами. Мама отвела меня в сторону: — «Знаешь, кто это»? — спросила она. Я пожала плечами. «Это та самая Ассоль! Вдова Александра Грина Нина Николаевна». — сказала она шёпотом.

Я была потрясена. На долю этой женщины — прообраза знаменитой Ассолы, выпали тяжелейшие испытания. Не сверкающая в лучах солнца яхта с алыми парусами и сказочным героем-красавцем увезла её из Крыма. Во время войны её угнали немцы. Она спаслась, возвратилась. А на родине её оклеветали, обвинили в сотрудничестве с фашистами, и вот она, как написала Любовь Знаковская попадает в места «от которых — увы! — не зарекаются...». На этом её мытарства не окончились: на работу не брали, пенсию за знаменитого мужа не платили. Местные власти отобрали домик-развалюху, в котором она мечтала создать музей Грина, а там в то время был курятник.

Возмущённый всем этим папа тут же приходит ей на помощь. Как напишет Любовь Знаковская: «Перед его прекрасными честнейшими еврейскими глазами не могут устоять самые махровые перестраховщики. И борьба эта медленно, но верно приводит к победе...».

Зачем папа брался за подобные дела? В мирное время, когда он уже был известным и уважаемым в Крыму человеком, он мог бы спокойно работать над собственными книгами и получать положенные ему гонорары. Но обострённое чувство справедливости не давало ему успокоиться. Стихи не рождались у него просто так за письменным столом. Всё о чём он писал — он должен был выстрадать, принимая на себя боль близких и чужих людей, бережно храня память о погибших на войне друзьях.

*Мои стихи документальны.
Я не придумал тот рассвет,
Ту тишину, тот берег скальный
И в небе самолета след,
И взгляд товарища последний,
И взмах его живой руки,
Что, на секунду смерть замедлив,
Остался посреди строки.*

Уже в Израиле мама напишет:

«Теплота его сердца постоянно грела находившихся рядом с ним не только родных и друзей, но и совершенно чужих, пострадавших от войны, от житейских неурядиц, исковерканных злой судьбой людей. Уже после войны, живя в Крыму, он вытащил из тюрьмы неверно осуждённого однополчанина, находившегося в центре России. Несмотря на постоянные угрозы клеветников расправиться с ним и его собственной семьёй, он вернул честное имя оболганной немцами семье бывшего секретаря горкома города Белогорск. Он был в числе тех, кто первый рассказал о подвиге героев подземного гарнизона Аджимушкай, солдатах и мирных жителях, забытых в керченских каменоломнях, но до последней минуты жизни сражавшихся с фашистами в невыносимых условиях. Долгие годы он боролся за правду об аджимушкайцах. И эту правду поведал в четырёх изданиях книги «Герои Аджимушкай». По его идее и благодаря его стараниям и прекрасным организаторским способностям аджимушкайцам в Керчи был воздвигнут памятник-монумент и открылась галерея картин об Аджимушкае заслуженного художника РСФСР Николая Бута. Он искал и находил поэтические таланты и всегда помогал им. Трудно перечислить все его добрые дела».

А сам папа в начале 90-х так написал о себе:

*Ну что ж, Борис Евгеньевич,
Безвестный Дон-Кихот,
Признали поражение вы?
Закончили поход?
Слова забыли красные:
Костями за правду лечь,
С неправдою согласны Вы,
Вложили в ножны меч?
К бездушию привыкли,
Или душа черства?
Сдались? Устали? Сникли?
Молчите?
... Чёрта с два!*

В самом конце 1993 года наша семья репатрировалась в Израиль. Папа с детским любопытством изучал всё и вливался в новую жизнь, написал цикл стихов об Израиле. Но, к сожалению, прожил здесь совсем недолго. 28 сентября 1996 года его не стало.

Поэт Борис Эскин написал о нём:

*Этот маленький шустрый вулкан
Отбурлил, отпылал фейерверком.
Мерил Слово он, как великан,
Не по росту высокою меркой.*

*Был по-пушкински юн и кудряв,
По-еврейски был грустен украдкой.
Политрук и немножечко рав.
Легкомыслия сын и порядка.*

*И, хоть вечно нам жить не дано,
Оправдание смерти — престранно.
Оправдание только одно:
Упокоиться в Обетованной,*

*В незнакомой заветной земле,
Не его перекрашенной кровью,
Как солдат, не плутая во мгле,
Он сдружился с суровой новью.*

*А Забвенью в молчащий курган
Обратить поскорее неймётся
Этот бурно потухший вулкан.
Только он ещё снова взорвётся.*

Мама ушла из жизни в ноябре 2012. За эти годы она успела выпустить сборник папиных стихов «О разном и всё об одном» и книгу «Сквозь годы», в этой книге помимо стихов собраны очерки и воспоминания о нём, которыми щедро делились поэты, журналисты, литераторы и разные люди, хорошо знавшие и до сих пор помнящие папу. Сама же мама до последних дней жизни трудилась над собственной книгой воспоминаний и дала ей название «Листая страницы жизни». Надеюсь нам в скором времени удастся её издать.